

Александр Шапошников
PhD; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, Москва;
possidima@gmail.com; +74956952684

БОЛГАРСКИЙ ЭТНОГЕНЕЗ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Происхождение болгар и сложение их языка и культуры — длительный многовековой процесс, протекавший в Северном Причерноморье, Поднепровье, Поднестровье и Подунавье. До недавнего времени в культуре и языке болгарского народа явно проступали гетерогенные элементы (наследие древних эпох конвергенции нескольких этнокультурных общностей), представляющие большой интерес для исследователей (этнографов, фольклористов, филологов, историков и культурологов) [Шапошников 2005: 218; Шапошников 2008: 432].

Остановимся на некоторых важнейших компонентах, слагающих древне-болгарскую культуру — комплекс материальных и духовных продуктов воспроизводящей деятельности этноса.

Свидетельства истории и легенд

Согласно «Именнику», пять князей правили по ту сторону Дуная 515 лет (т. е. 153–668 гг. н. э.): *Авитохоль, Ирникъ, Гостоунъ, Коурътъ и Безмѣръ*. Эра Авитохола охватывает 300 лет (153-453), т. е. готский и гуннский периоды, эра Ирника — 150 лет (453-603), т. е. антский и болгарский период, эра Коврата — 65 лет (603-668).

Важным событием эры Авитохола оказалось включение нескольких праславянских племен по Северскому Донцу и Дону в гуннскую общность. Знакомство гуннов с ними произошло во время нашествия этих воинственных племен на Боспор Киммерийский в 250-е гг. н. э. Сначала готские правители второй половины III — первой половины IV в., включили в состав своего союза обитателей верхнего течения Северского Донца, так называемых *боранов* или *борадов*. Эти племена просачивались далеко на юг вплоть до устья Дона и Таманского острова. В период между 275 и 375 гг. донские праславянские племена были известны позднеантичным писателям под собирательным именем *бораны* или *борады* (греч. *βορανοί*, лат. *Borades*, вульг.-греч. производные от *βοράς*, *βορέας* ‘северный ветер’), а позднейшим славянским летописцам — под именем *сѣверь*. Они настолько тесно соединились с гуннами, что уже в 375–453 гг. н. э. практически неотделимы от них, участвуют во всех их походах, совместных миграциях и расселении в завоеванных странах.

Переход Танаиса (Дона) гуннами-кутургурами (ср. наименование др.-венг. рода *Куртотуερμάτου*) следует датировать временем правления боспорского царя Хедосбия (267–275 гг.), одновременно с переселением утигуров и готов-трапезитов в Таврику. Тогда

вместе с гуннами-кутригурами в Подонье последовала незначительная часть потомков гуннов-юэчжи (может быть, акациры, альциагиры?) и большая часть угорских племен (венгры-саварты и венгры-куртугерматы) [Симеонов 1984: 156–159].

Другим важным событием эры Авитохолы стало изгнание «савроматской» династии из Боспора Киммерийского римлянами около 342 г. н. э. В 350-е гг. появляются первые упоминания в письменных источниках болгар (Bulgares) под предводительством Вунда.

Первая половина V в. н. э. — эпоха гуннской экспансии в Восточной Европе, вызвавшая цепную реакцию массовых переселений народов. В конце эры Авитохолы (походы Атиллы по «Диагональному пути» в 440-е гг.) произошла массовая депортация романизованного населения Римской империи за Дунай. Восточные романцы стали многочисленной составляющей населения гунно-угро-германо-алано-славянского племенного союза.

Вторая половина века, начало эры Ирника болгарской традиции (453 г.), характеризуется обособлением древне-болгарской общности (в составе гуннских, угорских, аланских, вост.-германских, вост.-романских, праславянских племен) в Поднепровье со столицей в Гунноваре.

Ирник (Эрнах), сын Атиллы, правитель гуннского союза кидаритов («носящих митры» или «луговых») в 453-467 гг. н. э. Сначала он обосновался в М. Скифии, но был изгнан оттуда римлянами и остготами. Затем, с 455 г. задержался надолго у реки Вар (Днепр?), где основал новую столицу Гунновар («город гуннов»), заключил союз с аланами, послал посольство к гуннам-эфталитам (гуннам Семиречья) и в Китай. Эрнаху удалось наладить трансконтинентальную торговлю по Великому Шелковому пути из Китая в Константинополь минуя державу Сасанидов. Эрнах не вел войн с римлянами, ибо внутренние восстания и войны отвлекали его.

В 469 г. гунны напали на провинции М. Скифию и Н. Мизию, дошли до хребта Гем, но были изгнаны за Истр римским полководцем Аспаром, о происхождении аланом. Аспар, сын начальника войска Арбадурия, полководец Восточной Римской империи при царях Валентиниане III (425-435), Феодосии II (435-450), Маркиане (450-457), Льве I (457-474 гг.). Аспар был убит во время беспорядков в Константинополе в 471 г. Его сын Патрикий, зять Льва I, лишен титула кесаря и разведен с императорской дочерью [Ostrogorsky 1978: 123-125].

В принципе ошибочна датировка событий венгерского этногенетического предания IX веком. Уже свидетельство Симокатты о Либидине и армянских источников о Севордик «удревяют» все события, связанные с Лебедией, по крайней мере, на два века. Но еще древнее (между 491 и 518 или 534–567 гг.) свидетельство Иордана о народе *хунугуров* [Iord. Get. 1: 37]: «За ними (акацирами – А. К.) выше Понтийского моря простираются места

обитания болгар, которых сделали известнейшими несчастья по грехам нашим. Там уже гунны, словно плодороднейший дерн, порождающий могущественнейшие народы, разрастаются двумя свирепыми народами – ныне они называются альтциагирами, другие – савирами; однако они имеют различные места обитания. Альтциагиры, которые летом кочуют по степям, на обширных пространствах в зависимости от того, куда повлечет их корм для скота, зимой, возвращаясь к Понтийскому морю, живут возле Херсоны, куда алчный купец ввозит добро из Азии... (лакуна) Хунугуры же, известны оттого, что от них идет торговля пушниной.» [СДПИоС I, 108–109].

Из этого текста следует, что между древними болгарам (где-то в сев.-вост. Поднепровье) и савирами-северами (на Северском Донце) обитали некие альтциагиры и хунугуры. Хунугуры в данном случае весьма вероятно – угры, венгры. Если их поместить на территории Сумской обл. (г. Лебедин), то с на западе их соседями могли быть древние болгары, а с востока к ним примыкали савиры, обитавшие, по крайней мере, в бассейне Северского Донца.

Во второй половине V в. н. э. болгары (*Bulgarum sedes*), т. е. предки современных болгар, обитали между Антами (*Antes*) (населявшими тогда дугу побережья от Днестра до Днепра), народом акациров (*gens Acatzirorum*) (выше Понтийского моря) и гуннами (*Hunni*), двумя свирепыми народами альтциагиров (*Altziagiri*) и савиров (*Sauiri*). Альтциагиры летом кочевали в степях, а зимой возвращались к Херсонесу.

Нападения болгар на империю начались при Анастасии I (491-518). В 500-550-е гг. племена, сильно тревожившие римлян, именовались *антами и булгарами*. Булгары и анты вовлекли в это движение родственных по языку *славинов* (предков словенцев, словаков, словинцев и, возможно, ильменских словен). В 580-е гг. древне-славянская общность заселила провинции Македония, Эпир, Фессалия, Ахая.

Между 565 и 580 гг. древние тюрки впервые потревожили Восточную Европу. Затронуло это и древне-болгарскую общность. После этих событий анты и булгары стали союзниками римлян в противостоянии с аварским каганатом. Но в конце эры Ирника их отношения вновь стали враждебными.

Остатки гуннов-кидаритов (уногуров и уногундугов?) и союзных им булгар под предводительством кана *Есперериха* или *Испериха-Аспаруха* покинули Поднепровье, Поднестровье и переселились за Дунай в обл. г. Плиска в период между 668 и 679/680 гг. Тем не менее, они сохранили контроль над Буджаком и Мунтенью. Восточной границей державы Есперериха-Испериха стал Днестр, где до печенежского опустошения процветали пограничные крепости Евукаты, Салмакаты, Сакакаты, Тунгаты, Кракнакаты и главный город Аспрокастрон (Белгород Днестровский), заселенные туранцами (саки), сарматами (салмы) и

вост.-романцами (волохи).

Свидетельства ономастики

Личные имена собственные гуннских верховных правителей (350-450-х гг.) почти без исключения имеют уверенную германскую этимологию, проявляют все признаки традиционной германской антропонимии: Attila, Ἀττίλας (434–453); Balamber, Βαλαμέρ; Bleda, Βλέδας, Βλήδας (434-445); Ὀνηγήσιος; Μαδουάριος ... τοῦ ῥηγὸς τῶν Γότθων (404–405 г.); Malamer, Malamir; Mundo, Μοῦνδος; Mundziuch, Μουντζιούχ (412-?); Ρούγας, Ρουγίλας, Ρούας, Ruga, Roas, Rugilas (?-434); Σηγγίλαχος; Ὀυλδίν, Uldin (с. 400-412); Hernac, Ἡρνάχ (ок. 453-467) [Doerfer 1973: 93, 106, 109] Это важное этнокультурное свидетельство упрямо игнорируется тюркологами. А оно однозначно — европейская гуннская общность имела германскую элиту!

Глухим отголоском собственно славянского наименования племен Северского Донца *сѣверь* можно считать имя болгарского кана *Севарь*, *Sevar* (725–739) а также этноним *Савар*, *Савир*, *Совар*, *Севор*, *Суар* много лет будоражащий фантазии тюркологов и угроведов. Старое наименование семи родов венгров Σάβαρτοι ἄσφαλοι [DAI 38: 9–10, 28] является, скорее всего, усвоенной при посредстве сарматов (асов) формы мн. ч. на *-ta* некоего **savar*. К этой туранской форме восходят, в конце концов, и армянск. этноним *Sevordik* (народ, в VIII в. обитавший на р. Кура), и араб. хороним **أسوردی** [ʔas-sawardija] (Baladzuri, ум. в 893 г.), и др.-венг. антропоним *Zuard* (Венг. Аноним и Шимон Кезаи) [SRH I, 41, 75, 77, 78, 80, 90, 92, 93]. Вариант этнонима *Sauiri*, **Σάβιροι** – все те же праслав. **severь*, **severьnъ(jь)*, ср. лит. **šiaurė** ‘север’, **šiaurės**, **šiaurinis** ‘северный’, **šiaurės rytai** ‘северо-восток’. Таким образом, уже во второй половине III в. н. э. в Северном Причерноморье появился праслав. этноним *сѣверь*, в адаптированном виде усвоенный в туранские (асские) [**sawarta*], угорские (др.-венгерские) [**suward*], др.-чувашские [**sawir*] и др.-тюркские диалекты [*suwar*]. Судя по всему, этот этноним принимался в качестве «самоназвания» не только праславянской общностью, но и туранской, угорской, чувашской общностями. Это явление совершенно сбило с толку современных лингвистов и ономастов, игнорирующих балто-славянскую этимологию данного этнонима и аллоэтнонима.

Наименование Булгары впервые упомянуто в середине IV в. в связи с их походом в Закавказье. Этноним *Bulgares* имеет славянское происхождение, это производное имя деятеля с непродуктивным суффиксом *-арь* (типа праслав. **bьцьварь*, **gьрньčарь*, **kovarь*, **kožuxарь*, **kozарь*, **ovьčарь*) или производное наименование общности с суффиксом собирательной множественности *-арь* от древнего праслав. корня **bьlg-* с предполагаемым знач. ‘мех, мешок; мех волынки (?)’ [Шульгач 2006: 47; Шульгач 2008; Шапошников 2012b]. Если перед нами, всё таки, суф. собирательной множественности, он имеет хороший балто-славянский

фон ввиду того, что праболгары обитали в ареале, где прежде них веками расселялись восточно-балтийские племена (Гелон и будины). Не только этот суффикс, но и некоторые другие изоглоссы связывают балтийские языки с диалектами болгаро-македонской группы [Непокупный 2002: 23–25; Непокупный 2003: 14–29; Непокупный 2006: 269–281].

Этноним «болгары» отражает известный уровень осознания некоего культурного единства общности. Этот этноним также перенимался не славянскими по происхождению этническими общностями хазарского каганата, преимущественно древне-чувашской. Некоторые обратные миграции древне-тюркских племен хазарского каганата занесли этот аллоэтноним вплоть до Киргизии. К примеру, в урочище Булгар-табыты обнаружена на скальной др.-тюрк. надпись (находка 1985 г.) [Аманжолов 2003].

Среди имен собственных правителей болгар как северно-причерноморского, так и дунайского регионов встречаются некоторые, славянская (праславянская диалектная) природа которых представляется наиболее приемлемой:

Баганъ — ИС аварского кагана и нескольких древних болгар [Заимов 1994: 12, 16] производно от ст.-болг. **багати** 'врачевать, заговаривать болезни, гадать; очаровывать; рассказывать небылицы', имело первичное значение «исцеленный, заговоренный». Мучительные поиски алтайской этимологии этого ИС безуспешно продолжаются [Дыбо 2011: 132-133].

Безмѣръ — ИС правителя из рода Дуло, которое относится к древним славянским двусоставным именам со второй основой **-мѣръ**, **-миръ** или соотносительно со ст.-болг. сущ. **безмѣрик** 'отсутствие меры, излишество, неумеренность, несоразмерность'.

Гостоуѣнь — ИС правителя из рода Ерми относится к производным именам деятеля на **-иѣнь** от праслав. гл. **gostevati*, болг. *гостувам* 'гостить, пировать, пиршествовать' [ЭССЯ 7, 63-64], однокоренного важного праслав. социального термина **gostь*, ср. ст.-болг. **гостити** 'принимать гостей', 'угощать', **гостинъ** 'относящийся к гостю', 'гостеприимный'.

Маламиръ — ИС преемника Омуртага, которое относится к древним славянским двусоставным именам со второй основой **-мѣръ**, **-миръ**. Ср. германскую этимологию выше.

Паганъ Καρπαυαν (Nikephor. Brev.) – ИС правителя 764-765 гг. после Сабина, наиболее достоверно этимологизируется в связи с юж.-слав. **raganъ*: н.-греч. *παυανός* 'гражданское лицо', 'оборотень', антропоним *Παυανός*, этноним *Παυανοί*, хороним *Παυανία* (Далмация) – из праслав. **raganъ* 'нехристьянин' [СДПИоС II, 282].

Праславянская гидронимия Северного Причерноморья в своей значительной части также имеет древне-болгарские соответствия [Шульгач 1998; Шапошников 2012d].

Порт *cabardi, chabardi, cabādi* [портолань XIV–XVII вв.] и гидронимы *Med. Berda R., R. Berda, Berda R*, МН *K(ofsa) Berdinskaja* [Santini, 1777], *Бердянск* – метонимическое

употребление праслав. **bьrda*, **bьrdo* в знач. ‘крутой склон горы, пропасть’, ‘яма между каменными глыбами в реке’ [Трубачев 1993: 15; Nalepa 1968: 206; Babik 2001: 296], соотносительное с общеславянским названием ткацкого снаряда **bьrdo* < и.-е. **bh ɣ dhom* [ЭССЯ 3: 164–166]. Средневековые формы, вероятно, отражают слав. сложение **ka-*, **ko-* и форму собирает. множ. **bьrdьje*. Ср. болг. диал. *възбьрдо*, *низбьрдо*.

Наименование одного из днепровских порогов «по-славянски» Βουλιηπράχ «большая заводь» (?) [DAI 9: 58-59], предположительно толкуется как словосочетание формы род. п. на *-ы* сущ. *вълна* ‘волна’ и слав. формы *прагъ* ‘порог’ [Максимович 2006: 28]. Обе формы не вост.-слав. и не др.-русск. Достаточно убедительно толковать это словосложение на основе ст.-болг. *вълнити сѧ* ‘волноваться (о море)’ и *прагъ*. Ср. опыт интерпретации польского гидронима *Wetna* на основе апеллатива *welm*, *welma* ‘wzburzenie wody, fala na wodzie, fala morska’ [Babik 2001: 600–601].

Гидронимы *Вырь*, *Вирь*, *Вирь*, *Вир* пр. Сейма с явными южнославянскими связями, ср. *Лепенски Вир* в Сербии, ранне-праслав. **virь* [Трубачев 1993: 17]. Иная реконструкция – праслав. **virь* ‘глубокое место в реке’ [Шульгач 1998: 311–312].

Гидроним *Днестр*, старописьм. **ДѢНѢСТРЪ** (первые фиксации в форме *Danastrus* и *Danastrum* IV–VI вв.) [ЭССЯ 5: 183].

Гидроним *Днепр*, старописьм. **ДѢНѢПРЪ**, *Δάναπρις*, *Danaprus* [ЭССЯ 5: 182; ЭССЯ 8: 205–206; Трубачев 1968: 214–215, 216–218].

Гидроним *Дунай* вопреки искусственным толкованиям из кельт. *Danubius* [ЭССЯ 5: 156-157] следует рассматривать формально как праслав. производное на *-jь* от основы **Dūna* (которая, к слову, присутствует в старописьменных текстах X в.), восходящей к некоей туземной основе **daunā*, однокоренной др.-инд. гл. *dhāv-* ‘to run, flow, stream, течь, струиться’, *dhan-*, *dhanv-*, *dhan-*, *dhū-*. Точная калька фракийского *Истр*.

Четвертый порт после Воспро на средневековых портоланах XIV–XVII вв. именуется *conestax*, *ς.nestaxi*, *conestāxe*, *conoſtaxi*, возможно, из сред.-греч. τὸ ἱκονιοστάσι[ον] ‘иконостас’, но предпочтительнее выводить из антского словосложения ***кнонѣстѣзѧ**, ***конѣстѣзѧ** ‘конная тропа’ [ЭССЯ 10: 187, 193–194, 197–198; Фасмер 1988: 752; Шапошников 2000: 195–198].

Прикубанское МН *Корул* [Santini 1777], *Копыль*, ныне Славянск-на-Кубани у ответвления рукава Кубани, имеет праслав. этимологию **коруль* ‘боковой отросток’ [ЭССЯ 11: 30–34] с многочисленными балканскими продолжениями, где это слово было заимствовано в вост.-романские, албанский, греч. и др. языки так называемого балканского языкового союза. Любопытен и факт осознанного калькирования синдо-меотского гидронима **Тукавда* (в составе туземного этнонима *тукавдѣта*) < др.-инд. сложение приставочного *ut-*

‘вы-’ и сущ. *kāṇḍa-* ‘стебель, ствол’, ср. инд. МН *Utakhanda, Utkhand*, эллинист. калька Ἐκβάλιμα (ныне *Ohind* при впадении реки Кабул в Инд) [Трубачев 1981: 128–130; Трубачев 1999: 286; Шапошников 2005: 66].

Наименование одного из днепровских порогов X в. «по-славянски» *Ναπρεζή* «малый порог»? [DAI 9: 64]. Толкуется предположительно как форма повел. накл. по гл. *напрячь, напрягу* [Максимович 2006: 29], вероятно, вост.-слав. форма (?), но ср. инфинитивы сербохорв. *напрећи, напрећу, напрећи* и словен. *naprěči* [ЭССЯ 22: 231].

Название одного из Днепровских порогов по-славянски *Неясыть* *Νεασήτ* X в. [DAI 9: 46], славянское знач. «порог пеликан» [Максимович 2006: 28]. Ср. ст.-болг. *неясыть* «пеликан» – результат стяжения словосочетания *не ѡти сыти* (сытости). Вновь перед нами вост.-слав. фонетическая адаптация юж.-слав. формы.

Наименование одного из днепровских порогов X в. «по-славянски» Ὀστροβουιπράχ «островок порога» [DAI 9: 40], на самом деле, «порог островка». Нет нужды обосновывать возможность греч. передачи слав. **ostrovъny* [Максимович 2006: 28]. Ὀστροβουι лучше толкуется как передача греч. средствами уменьш. производного с суф. *-yni* от праслав. **obstrovъ* [ЭССЯ 30: 79–80; Трубачёв 1968: 233].

Гидронимы *Парой, Порой*, бас. Воронежа [Панин 1982; Трубачев 1989] – архаичного облика приставочное образование **pa-rojъ, *po-rojъ*, соотносительное с **rajъ*, гл. **rojiti*. Слово *poròy* ‘ливень; поток воды после ливня’ функционирует поныне в болг. языке. Это юж.-слав. слово было заимствованно и в вост.-роман. диалекты (молд. *пырэу* ‘ручей’).

Наименование одного из днепровских порогов X в. «по-русски» *Στρούκου* «малый порог» [DAI 9: 64]. Эта форма может быть и германской по происхождению, ср. опыты реконструкции варяжск. **strok(um)* ‘теснина’, **strukō* ‘поток, река’ [Rozwadowski 1913: 54] или готск. **struka-* для объяснения польск. гидронимов *Skrwa* [Babik 2001: 254–256]. Предлагалась этимология на базе праслав. **strъgunъ* ‘снимающий стружку’ [Максимович 2006: 28]. Ср., впрочем, ст.-болг. *строуга* ‘течение, струя’.

Гидроним *Тужа* восходит к праслав. **tǫžā*, впервые зафиксированному во Фракии, где уже во времена Геродота существовала река *Τόνζος*, ныне болг. диал. *Тъжа* [Георгиев 1958: 62–63; Георгиев 1960: 27–28, 53, 65, 67, 68, 139], о чем, почему-то, не упоминают современные исследователи [Шульгач 1998: 296–298].

Хороним *Угол, Уголь*, м. б., и средневековый гидроним *Хингул, Хингил* *Χιγγούλ / Χιγγουλούς / Χιγγιλούς*, где обитали некогда болгары и угры (*Οὔγροι κατοίκησαν*) [DAI 38: 168], локализуемые одними в бассейне Орели, другими в бассейне Ингула и Ингульца, а третьими в Буджаке (отмечу, что и этот варваризм имеет значение ‘угол’!) [Трубачёв 1968: 205–206], транслитерируемый в греч. Ὀγγυλος, позволяет допустить его праславянский статус

– праслав. *Qglъ, ср. ст.-болг. ЖГЪЛЪ.

Среди древне-болгарских реликтовых имен встречаются антропонимы, являющиеся восточно-романскими формами. В частности, ИС *Сабин* (правитель в 764 г.), наиболее убедительная этимология предложена румынскими учеными в связи с лат. именем *Sabinus* [Бешевлиев 1981].

Туранская реликтовая ономастика Северного Причерноморья хорошо известна [Шапошников 2006: 255-322]. Замечены восточно-иранские имена собственные и в историческом ономастиконе болгар. Именно они составляют львиную долю имен правителей, не только гунно-болгарского, но и дунайско-болгарского периода, например:

Аспар ᾿Ασπάρ ὁ Ἄλανός, *Испор* или *Испор-цар* (Аноним. Хроника) (ок. 405-471 гг.) — обращаю внимание на возможность совершенно иного словообразования ИС *Есперерихъ* — словосложения аланского имени собственного *Aspar* (полководец на службе у Византия, тесть имп. Льва) и германского слова *rīk- 'король'.

Аспарух, Ἀσπαρούχ (Theoph. Chron.; Nikephor. Brev.), *Исперихъ* (Моск. сп.), *Есперерихъ*, (Погодинск. сп.), *Есперихъ*. (Уваровск. сп.), *Испор* или *Испор-цар* (Аноним. Хроника) — имя князя из рода Дуло. Очевидна фонетическая адаптация имени в угорском обиходе. Предложена этимология на основе боспорск. эпитафич. царского ИС ᾿Ασποῦργος [КБН 840], осет. *æfsurg/æfsarg*, производного на аланского **aspurg* — название легендарной породы коней [ИЭСОЯ 1: 112], указывались и другие аланские имена *Аспарук* (᾿Ασπαρούκις), *Аспаурук* (᾿Ασπαυρούκις) и *Аспурак* (Aspuraces), с вероятным значением «обладатель белых коней» [Цагараев 2009].

Винех — ИС правителя из рода Укил, которое предлагают толковать как причастие *wēnāk* 'видящий' по обще-иранск. глаг. **wēn/win* 'видеть', ср. авест. *vaen*, др.-перс. *vain* 'видеть', пашт., вах., нур. *wīn*, мундж., хуф., шугн. *win*, ягн. (согд.) *wēn*, руш. *wip*, осет. *уынын* 'видеть' [ИЭСОЯ 4: 118; ОРС 388].

Вунд, *Vund* — имя предводителя болгар в Закавказье возводят к осет. (ирон.) *уынд* 'вид, наружность, внешность, облик', дигор. *windaæ (uindaæ)* 'с представительным, привлекательным видом' [ИЭСОЯ 4: 110, 116; ОРС 388].

Дуло — имя самого известного рода правителей болгар, начиная с легендарного Авитохолы. Толкуется на основе эпитафич. ИС Δούλας Τρύφωνος, Δούλα ὁ ...δαστος, и родового имени ᾿Οχωδίακος Δούλα, Φαζίους Δούλα из Танаиса и азиатской части Боспорского царства [КБН 865], а также осет. имени *Dula* (Marquart).

Ерми — родовое имя наместника Гостуна, предложена этимология на основе эпитафич. антропонима ᾿Ερμῆ ὁ Μαστοῦς и родового имени Μενέστρατος ᾿Ερμῆ, Μήνιος ᾿Ερμῆ, Πάππος ᾿Ερμῆ, Πόθος ᾿Ερμῆ (Боспорское царство) [КБН 866]. Похоже, это боспорское имя

имеет эллинистическое происхождение (порча теонима Гермес?). Тюркологические этимологии натянуты и безосновательны [Станев 2005: 28; Симеонов 2008: 118; Бешевлиев 1981: 151].

Кардам Κάρδαμος – владетель, преемник Телерига, управлял между 777 и 802 г. Предложена этимология на основе аланск. (осет.) **kard* 'меч' и цельнолескемное соответствие аланск., грузинск. ИС *Kartham*, Καρτόμης [Бешевлиев 1981]. Имеется и сев.-причерн. ИС Ξάρταμος (эпиграфика Ольвии), которое в словообразовательном отношении может быть аналогом Кардаму [ЭСИЯ 1:151-152; Шапошников 2006, 255-322].

Крум – имя преемника Кардама, которое сопоставляли с ИС правителя хионитов в Согдиане *Грумбат*, осетинским родовым именем *Курмтæ*, нуристанск. апеллятивом *krum* 'кровля, крыша' [Георгиев 1971], крорайни *khrom* 'город с рынком' [Шарошников 2006: 255-322].

Мортагон, Μορτάγων, 'Омортау, 'Омуртау, 'Омуртау, 'Ομβριταγος – ИС болгарского владыки, которое пытались истолковать на основе эпигрф. ИС Μουρδαγος (Ольбия) и осет. *муртаттаг*, *муртакк* 'язычник, идолопоклонник' [Добрев 2005: 133; Бешевлиев 1981; ОРС 268]. Словообразование с исходом на -таг в осетинском не редкость, к прим., маэрдтаг «смертный, человек» (ср. уд-мурт «лесной человек»), суф. -он указывает на происхождение, род, национальность [ОРС 261, 607-608]. См. Умор.

Racame Rasáte – имя будущего князя Владимира (Hic sunt nomina de Bolgaria. Imprimis rex illorum Michahel et frater eius Dox et alius frater Gabriel, et uxor eius Maria et filius eius Rasáte et alius Cabriel et tercius filius Simeon et quartus filius Jacob, et filia eius dei ancilla Praxi et alia filia eius Anna). Удовлетворительна этимология из хот.-сакск. *rrāsāte* 'правитель по праву, управляющий по закону'.

Тервел — ИС правителя из рода Дуло. Предложена этимология на базе памирского *terbiel* 'воспитанный' [Добрев 1991].

Токт, Τόκτος – ИС правителя болгар, брата Баяна, между 765 и 766 гг., было предложено толкование в связи с именем правителя кушан *Вима Такту* [Бешевлиев 1981: 155].

Умор — ИС правителя из рода Укил. Предложено толкование на основе согд. *xum`r* [xumar] 'искать поддержки', 'надеяться', шугн. *xumōr*; язг. *xétor* 'желать, хотеть', ягн. *amr* 'желать, велеть'. Можно предложить толкование этого ИС как отглагольного производного по глаг. *марын* 'умерщвлять, убивать' [ОРС 257]. Но остается подозрение, что перед нами славянское словообразование, ср. русск. *Умора*.

Хрвате, *хрвате*, *храваты* [ПВЛ 2 об., 5, 10 об., 42], *Xowrat* (Ашхрацуиц), *Xubraat* (монограмма на перстне из его могилы близ Перещепина), *Коуэртъ* (Именник), Κούβρατος

Κώβρατος (греч. хрон.) — имя собственное правителя болгар из рода Дуло пытались толковать на основе обще-иранского **xub-* 'доброе дело', но более вероятна порча сармато-аланского ИС Χορσαθος (эпиграфика Танаиса), **xarvat-* (ср. *sarmatae gynaecosratumeni*) 'жено-управляемый', или того пуще зороастрийского язата **xaurvatat-* 'целостность, здоровье'. Это туранское имя претерпело фонетическую адаптацию в угорском или в каком-то ином, ближе неизвестном языке.

Название общности *Анты* – то ли из скифского **anta-* 'живущие напротив, супротив кого-л.', то ли из синдо-меотского *ánta-* 'живущие у края, крайние'.

Много предрассудков и призраков научных пещер породил этноним гуннов. Между тем, наименование *гунны* (греч. οὔννοι, лат. *hunnī*) неправомерно отождествлять напрямую и с кит. *süing-ni*, как это делал некогда Пуллибланк [Pulleyblank 1962: 2, 29-70, 239-265]. Оно, скорее всего, продолжает арийск. (авест.) *hvyāona-* [hçiōna-] 'собирательное название противников арийских племен к северу от древнего русла Амударьи (Узбоя) в VI в. до н. э., злостных дэвопоклонников'. Войну с хвьяонами вели сыновья царя Виштаспы еще при жизни Заратуштры. Из авестийских описаний военных действий арийцев против *хвьяонов* следует, что они вели переговоры между собой посредством толмачей. Здесь уместно напомнить, что формы из надписей на монетах древнего Хорезма II в. до н. э. – VI в. н. э. силятся передать некий подобный прототип **hvənuq:* *sdyy h2unuq t1r1ban*, *h2vnuh1q k2gui*, *h2vnh1q*, *h2vnuh1q* [Вайнберг 1977; Мухамадиев 1990: 50, 59], *h2ung s1dgyu as2ug x1m* [Восточное серебро 1909: Табл. XX, 46]. В греч. текстах встречается написание этого имени в виде Χιωνιται, Ουαρ και Χουννι, Ουαρχιωνιται [Симокатта 1996: 265].

Столица подразделения гуннских племен на р. Герр (Днепр) в 460-е гг. называлась *Гунновар* (Οὔννοουάρ). Это название показывает, что наименование общности *гуннов* и слово *уар* «крепость, город» действительно бытовали в языке населения.

Из языка хотанских саков происходит сев.-причерноморские имена собственные типа *Кса*, *Гза*, *Коза*, *Къза*, *Гзак*, *Хоз* (из местного названия *Кса* в оазисе Чира) [Воробьева-Десятовская 1992: 58].

В Северном Причерноморье известны очевидные реликтовые имена собственные угорского вида: *Котраг* или *Кутриг*, *Кутург*, *Утиг* или *Утург*, *Авитохоль*, родовые имена *Вихтоунь*, *Угаинь*.

В частности, др.-русск. имена собственные и местные названия *Шароукань* [ПВЛ Лавр. 95, Ипат. 99об], *Шароукань* [Ипат. 106] соответствуют венгерским формам *Sarcajn* 1193 г., *Sarkan* 1222 г., *Sarkanyon* 1372 г., *Sarcan* 1405 г., *Sarkany* 1585 г., толкуются на базе сущ. *sárkány* 'крылатый змей' и возводятся к алтайск. **sazaqan* 'вид змеи, крокодил, вид угря, сказочный дракон со змеевидным телом и крыльями' [FNESZ II, 451–452; Budenz 1873:

67–135, 189–201; Bárczi 1958: 60–79; Николова-Маркова 1983: 164].

Венгерская историческая традиция хорошо осведомлена о странах *Лебедея* (Сумская обл.), *Ателькузу* (междуречье Днестра и Днестра) и *Дентия*, *Денту-Могер* («Мадьярское Подонье») [Эрдели 1984: 20–25].

Некоторые реликтовые имена собственные и речные названия в византийских и славянских источниках имеют облик угорских адаптаций (*Мундзук* из *Мундьюх*, *Дентцик* из *Денгицих*, *Ирникъ* из *Хернак*, *Есперих*, *Исперих* из *Аспарух*; *Этель* из *Атиль*, река *Богу* из *Боугъ*), а некоторые тексты доносят подлинные угорские топонимы.

Во второй половине VI в. столицей части гуннов стал город *Либидинов* (τῆν Λιβιδινῶν πόλιν – Simokatta I, 8.6), ныне г. Лебедин Сумской области, который упоминается и позднее в венгерской традиции: Λεβεδία, Λεβεδίας, Λαβαδίας – область Хазарии, по которой текли реки Χιδμάς / Χιλμάς / Χουμάς (Псёл?), Χιγγούλ / Χιγγουλοῦς / Χιγγιλοῦς (видимо, Ингул или Ингулец), и где обитали угры – οὔγροι κατοίκησαν [DAI 38, 168].

Оногуры упоминаются в середине VI в.: Ὀνογοῦροι (Procop.). В материалах VII Вселенского собора в Никее (787 г.) упоминается епископство ὁ Ὀνογοῦρων в Хазарии.

Название общины или племенного центра *Ретег* (ὁ Ῥετέγ) можно истолковать из венг. языка, где *rēteg* означает «слой, пласт» [MOSZ 642; FNESZ II, 411, 412].

Родовое имя некоторых болгарских канов *Вокиль*, *Вокиль*, *Оукиль* сопоставимо с угорским этнонимом *вогул*. Едва ли оно восходит к слову *векил*, *векилин* «доверенное лицо, министр» [БЕР 1, 130]. *Утиг* весьма напоминает этноним *вотьяк*, *вотьяг* «лесной», что делает маловероятным его тождество с рус. *ватага* «семейство и его жильё» (из тюрк. **otag*?) [БЕР 1, 123]. Имя *Омуртаг* имеет в составе основу *-мурт-* «смертный, человек», ср. *уд-мурт* «лесной человек». Угорский вид имеет и царское имя *Кормисошь*.

Среди «темных» слов Именника несколько раз встречается слово *твиремь*, *твиримь*, сопоставимое с именем мансийского бога, небесного отца *Нуми-Турем*, имеющего табун из шести или семи коней и едущего на жеребце с золотой шкурой. Его младший сын, хранитель света, скачет на летучем коне [Шапошников 2012с: 425].

Северо-причерноморский гидроним **Троῦλλος** (940-е гг. DAI 38) и *Turlo* (Портолань XIV–XV в.) др.-венгерск. калька античного гидронима Hierassus, Ἱερασσος, производного от греч. ἰέραξ 'ястреб, сокол', ср. др.-венг. *Turul* 'орел' [Шапошников 2012с: 427-428].

Таврический топоним *Тарханкут* – татарская адаптация др.-венг. названия, букв. **Tárcánkút** «кладезь тархана (окружного судьи)», ср. венг. **tárkány** «окружной судья», **Istenkút** «Божий кладезь», **Tehénkút** «Коровий кладезь» и др. [FNESZ II, 620, 628].

Некоторые имена собственные в греко-римских источниках IV-V вв. могут восходить к ближе неизвестному языку гуннов: *Ансих*, *Васих*, *Курсих*, *Эллах* или *Эллак*, *Денгицих* или

Денчик и др. Широко распространенный словообразовательный суффикс -х может оказаться тождественным обще-адыгскому формативу мн. ч. -хэ или суфф. -хы со значением «склонный к чему-л.» [Кумахов 1989: 33-38, 68].

Имена собственные действительно алтайского вида появляются в Северном Причерноморье и Подунавье преимущественно в хазарскую эпоху последней четверти VII — IX вв. Они имеют вид диалектных вариантов др.-тюркского языка (диалекты кадыр-касар и бяди-бярсыл) [Шапошников 1992: 7, 8, 12].

Свидетельства лингвистики

Древнейшими языковыми фактами определенно славянского вида являются слова гуннского языка в описании ромейского посольства Приска к Атилe в 448 г. и в описании готов Иордана [СДПИОС I, 89, 93, 165]: *stravam* < *jъztrava ‘поминки’ [ЭССЯ 9: 80–82]; κάμων < *komy ‘название хмельного напитка из ячменя, брага или пиво’ [ЭССЯ 10: 173–174, 179–180]; μέδος < *medь ‘хмельной ритуальный напиток из мёда’ [ЭССЯ 18: 68–72]. Практически, этих трёх слов достаточно для следующего утверждения: в составе державы гуннов находились славянские племена, при этом они пришли на территорию Среднего Подунавья из Северного Причерноморья.

В старо-болгарском письменном языке присутствуют заимствования из германских языков, значительная часть которых унаследована древне-болгарским из праславянского языка [Шапошников 2012b]. В начале этого языкового контактирования (I–II вв. н. э.) были заимствованы: *hlaiba- → *χlaiba- → *χlēbь → *χlébь ‘хлеб’; *kaupa- → *kaupa- → *kōp- → *kūrь ‘прикуп’; *kaupjan → *kaup’ai-t’ai → *kōpētē → *kūrīti ‘купить’; *lauka- → *lauka- → *lōka- → *lūkь ‘лук’. Отсюда ст.-болг. **χлѣбъ, коупьць, коупла** и др.

На завершающем этапе поздне-прагерманского диалектного влияния (III–IV вв. н. э.) на поздне-праславянский лексический состав были заимствованы следующие лексемы: *bōkō → *bōkū- → *būky, *būkyve ‘буква’, **боуки, боукъве**; *bordō → *bordū- → *bordy, *bordьve ‘топор’, **брады, брадъве**; *helma- → *χ’elma- → *šelmъ ‘шлем’, **шлѣмъ**; *hrungō → *χ(ə)rugū- → *χorugy, *χorugьve ‘хоругви’, **χоржгы, χоржгъве**; *hulma- → *χūlma- → *χьlмъ ‘холм’, **χлѣмъ**; *liuwa- → *l’uva- → *lьvь ‘лев’, **лѣвъ**.

Вероятнее всего, данные примеры лексических заимствований иллюстрируют языковые контакты праславян с восточными германцами (готами, гепидами, герулами) в период продвижения готских племен в Восточную Европу и праславяно-прагерманско-праосетинского синойкизма в составе державы готов (200–375 гг.).

Сам факт абсолютного доминирования древне-болгарского (460-660-е гг.) и старо-болгарского, сначала бесписьменного, а с последней трети IX в. письменного, языка в болгарской общности говорит сам за себя. Этот язык уже в Поднепровье, в Северном

Причерноморье и в Онгlose явно выполнял функции престижного языка межэтнического общения, языка общей культуры.

Характерной чертой болгарского языка является его исключительные изоглоссы с балтийскими языками (к прим., болг. *бърна* и лит. *burnà*) [Непокупный 2003а: 14-29; Непокупный 2003б: 275-276]. При попытке указать ареал болгарско-балтийских языковых контактов приходим в области древней промежуточной прародины балтийских языков между Днепром и Орелью.

Примечательно также именование родовых старшин венгров термином воевода *βοέβοδοι*, *βοέβοδος* (в том числе и Леведь, *Λεβεδιάς* [DAI 38: 12, 13, 16] и название обычая венгров термином «закон» *ζάκανον* [DAI 38: 52]. Эти славянские слова – свидетельства близкого знакомства древне-венгерских родов с северянами Северского Донца, вопреки всем лукавым мудрствованиям комментаторов. Если отождествление столицы древних венгров города Лебедии с существующим поныне городом Лебедин в Сумской обл. верно, то соседство древних венгров с болгарами (антами) и северами (борадами) становится весьма вероятным.

Уже в Приднепровье древне-болгарская общность пользовалась преимущественно «антскими» праслав. диалектами **gradь*-типа, хотя многие этнические гетерогенные группы сохраняли и свои племенные диалекты в ситуации двуязычия. После миграции за Дунай достаточно быстро старо-болгарский язык ассимилировал иноязычные пережитки болгарской общности.

Восточно-иранские языковые реликты и заимствования в праславянском языке, частично унаследованные старо-болгарским, неоднократно обращали на себя внимание [Шапошников 2006: 255-322; Лома 2012: 189-201; Шапошников 2012с].

Этот ареал поздне-праславянского языкового состояния очерчивается языковыми и культурными контактами с сармато-туранскими и синдо-меотскими языковыми общностями. Некоторые туранские и аланские лексические проникновения предполагаются в позднем праславянском языке, в др.-болг. и ст.-болг. в частности.

ст.-болг. **богъ**, праслав. **bogъ* ‘бог’ тяготеет к мидийскому словоупотреблению **baga-* в знач. ‘бог Ахура-Мазда, творец’, ср. праиран. **baga-* ‘доля, выделенная часть, удел, судьба’ и праслав. **nebogъ*, **ǫbogъ* ‘несчастный, обделенный судьбой, убогий, нищий’. С другой стороны, праслав. **bogъ* выводится некоторыми лингвистами из туранских диалектов Средней Азии с учётом туранского знач. ‘божество (реки, горы и т. п.), дух чего-л.’ сакско-гуннского периода (I в. до н. э. – VI в. н. э.), ср. бактр. *bogo-* ‘божество, бог (один из многих)’, парф. *baγ ard vāχš* ‘божество реки Вахш’, кушан. *Ardoχšo vāχš-e hvarāsān vīmand* ‘Божество Вахш – дух хорасанской границы’ [Пьянков 1982: 52–53];

ст.-болг. **ГАТАТИ**, праслав. **gataŋi* ‘причитать, загадывать загадки’ < туран. **gata-* ‘пение (обрядовое)’, ср. авест. *gatha-* ‘пение (особенно религиозное)’ и др.-инд. *gātha-* тж;

ст.-болг. **КОТЬЦЬ**, праслав. **kotixъ*, **kotъ*, **kotъсь* ‘клетка, небольшой хлев, загон’ суффиксные производные от сарм. **kata-* ‘подземное, вырытое помещение’;

ст.-болг. **КОҪМИРЪ**, **КОҪМИРЬНИЦА** ~ осет. *гумери*, *гамери*, *гуымыры* ‘великан; дубина; идол’;

ст.-болг. **КРАГОҪИ**, праслав. **korguŋь* ‘вид хищной птицы’ толкуется как производное с исходом на *-uŋь* (ранне-праслав. *-aujis*) от алан. **karg-* ‘черный гриф’, ‘куроед’, восходящего к вост.-иран. **karkasa*;

ст.-болг. **КЪНИГЫ**, праслав. **kъniga* ‘книга’ < позд.-сарм. **kunig*, **kunuga*, ср. осет. *k̆unug* æ, *k̆inug*, *чиныг* ‘книга, письмо, рукопись, грамота’ и арм. *k’nik*, *kniĳ’* ‘печать’;

ст.-болг. **МЪДЬ**, праслав. **mъdъ* ‘медь’ < раннепраслав. **m’ād(i)-* < сарм. **ma’di-* (др.-перс. *Māda-*, др.-греч. Μηδία);

ст.-болг. **МОЗГЪ**, праслав. **mozgъ* ‘мозг’ < сарм., туран. **mazga-* (авест. *mazga-*, осет. *mağz*) ‘мозг’;

ст.-болг. **ОСМЪ**, праслав. **osmъ* ‘восьмой’ < раннепраслав. **astmas* < вост.-и.-е. **oçtmos* < и.-е. **ok’t-m-* ~ осет. *æstæm* ‘восьмой’;

ст.-болг. **СКОРЪ**, праслав. **skorъ* ‘скорый’ ~ осет. *скъæрын* ‘гнать, выгонять, загонять’;

ст.-болг. **ХРАНА**, **ХРАНИТИ**, праслав. **xorna* ‘еда, пропитание; забота’ < сарм. (?) **xvarna-*, ср. авест. *x’arənah* ‘еда, питье’;

ст.-болг. **ХРЪВАТЪ**, праслав. **xъrvatъ* ‘хорват’ < сарм-алан., туран. **hārvath-* ‘женский’;

ст.-болг. **ЧРЪТОГЪ**, праслав. **čъrtogъ* ‘чертог’ < туран. диал. **čūr-tāg* < перс. *čār-tāg* ‘четырёхгранный свод, купол’;

ст.-болг. **ШОҪМЪ**, праслав. **šumъ* ‘шум’ ~ осет. *sum* ‘звук’;

ст.-болг. **ЯЗЫКЪ**, праслав. **ę-zykъ* (< **?-zūk-*) в разн. знач. ‘язык’ ~ осет. *ævzag*, *yvzag* ‘язык, речь’ из **hi-zwāka-*;

Присутствие туранских диалектов в составе древне-болгарской общности проявляется и в языковых контактах восточно-иранских и финно-угорских диалектов. Примечателен факт наличия языковых изоглосс, соединяющих пашто, мунджанские и памирские диалекты с европейскими финно-угорскими, на что уже обращали внимание иранисты [Шапошников 2006: 276, 301, 304–307, 317, 319].

Венгерские слова **vár** ‘крепость’ и **varos** ‘укрепленный город’ восходят в своей корневой части к частотной скифской топооснове **uar-* с тем же значением, ср. арийск. *vara-*, топонимы античного времени в Скифии типа *Nauaris* = *Neapolis* ‘новый город’. А мансийское слово *ur* с тем же значением имеет расширенную форму *wurkat*, во второй части

которой угадывается сакск. *kata-* ‘выкопанное; ров, земляное укрепление’ [Juhás 1985: 62].

Весьма примечательны и давние заимствования из неких, уже вполне оформившихся, индо-арийских диалектов в угорские языки [Шапошников 2003: 215–216; Напольских 2010: 229–242].

Внешний облик некоторых слов болгарского Именника весьма напоминают угорские слова типа манс. *wolém* ‘олово’ или манс. *xírem*, венг. *három* ‘три’ [Juhás 1985: 56, 62].

Девизы правления из Именника болгарских правителей вероятнее всего восходят именно к языку гуннов (юэчжи?): *диломъ тоутомъ, диломъ твиремъ, дохъсь твиремъ, текоучитемъ тъвиремъ, шегоръ твиримъ, шегоръ вечемъ, шегор алемъ, сигор елем, верени алемъ, двенъшехтемъ, тохальтомъ, соморъальтемъ, етхъ бехти*. Встречающийся на каждом шагу конечный формант *-мъ* можно отождествить с обще-адыгским определительным формативом *-м*, который маркирует лишь эргативный объектный, выражающий функции косвенных падежей (типа *уынэ-м сихъагъ* «я вошел в (этот самый) дом», *тхыль-ым седжэ* «я читаю (определенную) книгу»). Примечателен способ присоединения этого показателя определенности имени с конца слова, который бытует только в адыгских (черкесских) языках [Кумахов 1989: 33-38, 68]. Если эта гипотеза подтвердится, то «болгарские» формы типа *дилом тутом* прольют свет на тайну возникновения постпозитивного артикля в болгарском (*кът — кътът*) и вост.-романских (*вад — вадул*) языках.

Остававшиеся дольше других племен антского союза в Поднепровье и Поднестровье древние болгары испытали некоторое культурное и языковое влияние со стороны древних тюрков в период между 565 г. и предполагаемым годом окончания правления *Коврътъ-кана* (665 г.). Фонетически адаптированные и переоформленные лексические заимствования из др.-тюрк. и позднейших тюркских языков хазарского каганата 680-965 гг. и печенежско-куманских вторжений X—XIII вв. (иногда при явном угорском или вост.-роман. посредстве) заметны в составе древнего (ст.-болг. **БЕЛЧОУГЪ, БЛЪВАНЪ, ДОХЪТОРЪ, ЖОУПАНЪ** (*ζωαπαν, ζουπάνος*), **КАВХАНЪ, КАНЪ, КАПЪ** и **КАПИЩЕ, КЛОБОУКЪ** и **КЛОБОУЧЬЦЪ, КОВЪЧЕГЪ, КОУМИРЪНИЦА, САМЪЧНИ, САНЪ, СОКАЧНИ, ТАРКАНЪ, ТОАГЪ**) и современного (*белег, белчуг, бисер, бѣбрек, губер, капище, ковриг, ковчег, кумир, сан, тояга, чипаг, шаран* и *шеран, шатър* и *шатра*) болгарского словарного фонда. Они, как правило, одновременные и восходят к различным диалектам др.-тюркского и сред.-тюркского периодов.

Все эти явно гетерогенные лексические заимствования в ст.-болг. языке разного времени и при различном языковом посредстве продолжают ошибочно относить к фиктивной «болгарской» группе [Дыбо 2011: 130-144]. Их связь с реальным чувашским языком, даже с учетом внутренней реконструкции последнего, по большей части более чем сомнительна.

В частности отмечено, что подавляющее большинство (почти все за редчайшим

исключением) гуннских имен собственных IV-VI вв. имеет ясную германскую этимологию [Doerfer 1973: 1-50], что слова из древне-болгарского Именника не характерны для «булгарских» источников Поволжья [Юсупов 1960; Стойнев 1984: 108]. Л. Лигети справедливо полагал, что причисление гуннского языка к языкам чувашского вида есть ни что другое, как построение гипотезы на гипотезе [Ligeti 1963: 381-393]. Гуннские языковые реликты в своей массе никакого отношения к ранне-чувашскому языку не имеют. То же утверждение справедливо и в отношении языковых реликтов Дунайской Болгарии вопреки полувековым потугам некоторых исследователей дать натянутые этимологии слов болгарского Именника на основе современного чувашского [Pritsak 1955; Benzig 1959: 685-695]. Это заблуждение насаждалось столь активно и воинственно, что голоса «здорового смысла» едва различимы в шумном хоре «общепринятого мнения» [Стойнев 1984: 108; Москов 1988; Сефтерски 1990: 105-108].

Большинство «дунайско-болгарских» языковых реликтов VIII-X вв. не соответствует реконструкции алтайского языкового состояния того времени (включая чувашский язык). После столетия выдвижения различных гипотез стало ясно, что значительная часть гуннских языковых реликтов не соотносима не только с тюркским, монгольским или чувашским материалом, но и в принципе не может принадлежать алтайской семье языков (невероятные стечения согласных, особенности вокализма, ср. к примеру, слово $\chi\omega\rho\mu\sigma\chi\eta$). По-прежнему, перспективны изыскания языковых соответствий в угорской, индоевропейских, тибетской и, особенно, в северо-кавказских языковых группах [Старостин 1984: 19-38].

Свидетельства ДНК-генеалогии

Данные ДНК-генеалогии (Bataglia et al. 2004; Fedorova et al. 2003; McDonald 2005; Manoukian 2006; Nasidze et al. 2004: 205-221) определенно свидетельствуют о том, что антская и болгарская этнокультурные общности изначально были гетерогенными, основу их составляли две старые европейские гаплогруппы: восточно-индоевропейская R1a1 (средне-дунайского происхождения) и неиндоевропейская гаплогруппа I2 (динарского происхождения), с III—II тыс. до н. э. вовлеченная в орбиту индоевропейских общностей. В Восточной Европе и на Балканах отмечается раннее проникновение финно-угорской гаплогруппы N (уральского происхождения) и асской гаплогруппы G (памирского происхождения).

В составе северо-причерноморского населения, населения Румынии, Болгарии, Македонии и Хорватии центральноазиатская гаплогруппа F практически не встречается. Именно эта гаплогруппа могла быть распространителем так называемых северо-кавказских языков, ибо происходила из Центральной Азии (Памира, Кашмира, Гиндукуша). Эта гаплогруппа издавна попала в орбиту гаплогруппы G, но в отличие от нее, долгое время

сохраняла свои оригинальные языки и диалекты, не переходя окончательно на аланский (туранский).

Гаплогруппа G (G2a*-P15, G2a3c-M406) ныне составляет 9% населения гагаузской общности, около 3-5% валашской общности, 2-3% болгарской общности, 1.6-2.2% македонской общности. Это потомки аланов, асов, не индоевропейского по генетике этноса, перешедшего на восточно-иранский (туранский) язык еще на своей памирской прародине. Именно эта гаплогруппа стала распространителем туранских диалектов в Сев.-зап. Причерноморье. Палеоономастика свидетельствует о длительном сохранении аских диалектов как в Молдове (ясы), так и в Венгрии (язок).

Любопытно распространение гаплогрупп I1 и I2. Наибольшая концентрация их в Сев.-зап. Причерноморье наблюдается между Восточными Карпатами и Южным Бугом, достигая 30-40%. При этом, там представлены как гаплогруппа I1-M223, северо-германского происхождения, так и гаплогруппа I2-M423, далматинского, динарского происхождения.

Первая гаплогруппа — давний спутник и.-е. гаплогруппы R1a1 в составе германской общности (готов), носители германских диалектов.

Вторая — давний спутник и.-е. гаплогруппы в Иллирии, Далмации, Трансильвании. Романизация этой гаплогруппы началась еще во времена Римской республики. Носители восточно-романских диалектов по преимуществу. В современной болгарской общности преобладает вторая гаплогруппа I2-M423 (Восточная Болгария 15-20%, Центральная Болгария 20-30%, Западная Болгария 40-50%, по некоторым локальным данным — до 67% и даже 75%), в македонской общности — до 17.5%. При этом, высокая частотность этого гаплотипа в Западной Болгарии обеспечивается потомками выходцев с территории сопредельной Сербии и, возможно, Боснии.

Гаплогруппа N1-M214 составляет 7-8% гагаузской общности, 3-5% восточно-болгарского ареала. Эти мужские гаплотипы — наследники угорской этнической составляющей, издавна присутствовавшей в составе северо-причерноморских общностей и др.-болг. общности. Эта гаплогруппа некоторое время могла сохранять свой оригинальный язык финно-угорской семьи.

Гаплогруппа R* представлена крайне редкими гаплотипами от 1 до 3% мужского населения хорватской общности (данные по самой Болгарии отсутствуют). Место происхождения этой гаплогруппы — где-то у Алтая и Тянь-Шаня. Так как на Кавказе эта гаплогруппа представлена преимущественно в составе северо-осетинской общности (дигорцы и ардонцы, кабардинцы, ингуши), подозреваю, что она также была носителем туранского диалекта, вероятно того же, что и гаплогруппа G (т. е., сармато-аланского, аского вида).

Численно преобладающая гаплогруппа антской историко-культурной общности — восточно-индоевропейская гаплогруппа R1a1-M17, которая поныне составляет в Северном Причерноморье 40-50%, в гагаузской общности (Комрат) — 33%, в Румынии — 15-25%, в болгарской общности — 15-20%, в македонской общности — 15-25%. Эта гаплогруппа и была распространителем славянского языка, легшего в основу старо-болгарского и современных болгарских и македонских диалектов.

Остальные гаплогруппы представленные в составе румынской, болгарской, гагаузской общностей E3b (M78, M521, M123), J2b2 (M241), T (M70) имеют ориентальное и северо-африканское происхождение, распространители албанского и турецкого языков, являются поздними интродуцентами в болгарской общности времен османской порты, не представляют интереса в данном случае. Тюрко-монгольская гаплогруппа C в болгарской общности практически отсутствует.

Таким образом, ДНК-генеалогия предлагает реальные этнические группы, которые могли быть распространителями языковых знаков сев.-кавказского (гаплогруппа F), восточно-иранского (G-P15), восточно-германского (I1-M223), восточно-романского (I2a1-M423), угорского (N1-M214) и славянского (R1a1) происхождения. Для языковых реликтов неясного происхождения с подозрением на их северо-западно кавказскую атрибуцию остаются гаплогруппы F и R, представленные обильно на Кавказе.

Свидетельства археологии

Праславянские племена за 150 лет (100–250-е гг.) расселились в лесостепной зоне Русской равнины от Карпат до долины Северского Донца. Вероятный ареал распространения предков славян примерно совпадает с ареалом распространения памятников черняховской археологической культуры [Черняховская культура 1993: 123–170, см. карту]. Как известно, черняховская археологическая культура оставлена историко-культурной общностью готов, а на деле являлась продуктом синойкизма поздне-праславянских, вост.-германских и сармато-аланских этносов [Гей 1993: 162–170].

Старой Великой Болгарии соответствует ареал распространения памятников пеньковской археологической культуры (от долины Северского Донца до долины Прута) 450-660-е гг., т. е. эра Ирника и последующих древне-болгарских правителей [Седов 1995: 69, 71, 72; Седов 1991: 69-71; Приходнюк 1988: 189-199; Приходнюк 1998]. Преобладали открытые поселения с бессистемной застройкой в местах, которые не требовали сооружения укреплений. Реки, овраги, болота, леса служили им естественной защитой. Укрепленные городища немногочисленны: городище Селиште на берегу р. Реут и городище 3.5 га Пастырское на р. Сухой Ташлык бас. Тясмин. На Пастырском городище (Гунновар?) валы и рвы были сооружены в скифскую эпоху, использовались носителями черняховской

археологической культуры, несколько подправлены в VI–VII вв. [Сымонович 1993: 130-145, 155-161].

Наиболее характерные изделия прикладного искусства и ремесла — пальчатые фибулы антского типа [Седов 1995: 74, 76; Чаусидис 2005].

Погребальный обряд — исключительно кремация в грунтовых могильниках (совсем не известен курганный обряд). Унаследованный от черняховской культуры биритуализм пеньковской археологической культуры не свойственен пражско-корчакской и суковско-дзедзицкой археологическим культурам [Седов 1995: 74–76].

Происхождение пеньковской археологической культуры. Ее создатели — потомки создателей черняховской археологической культуры с некоторой примесью носителей киевской археологической культуры. Наиболее поздние памятники черняховской археологической культуры 400–450 гг., наиболее ранние памятники пеньковской археологической культуры 450–500 гг., второй этап — 500–660 гг. [Седов 1994: 316–318].

Анты — особая народность в составе поздней праславянской общности, отличимая от славян и венетов [Седов 1995: 82]. Последний раз этноним анты встречается у Ф. Симокатты. В 602 г. во время одного из походов римлян в Подунавье, аварский каган послал против антов, союзников римлян, военачальника Апсиха с поручением истребить это племя [Симокатта 1957: 180]. В правление Коврата 605–667 часть этого племенного союза именовалась уже определенно болгарами (българи).

Археологическое исследование подтвердило древне-болгарскую традицию о местах расселения болгар до миграции в «Угол» и за Дунай, о могиле Коврата [Плетнева 1981: 75–77; Вернер 1988: 39–44; Сефтерски 1989: 104–107]. Древне-болгарская хронологическая традиция нашла свое полное подтверждение на археологическом материале.

Опыт согласования свидетельств

Этногенез болгарской этнокультурной и политической общности до превращения ее в религиозную общность в IX в. представляется ныне несколько иным, нежели в XX в. Прямыми потомками антской общности в современном состоянии являются болгары и македонцы, а также народности, именуемые сербами и хорватами, включая белых хорватов (западных словаков и чехов) и лужицких сербов. Древнейшие культурные компоненты (ингредиенты) болгарской культуры внесены в единый комплекс несколькими гетерогенными этническими группами различной языковой и этнической принадлежности.

Окончательное обособление древне-болгарской общности произошло в Поднепровье в середине IV в. Уже тогда она включала в свой состав праславянские, восточно-германские (готские), восточно-иранские (аланские), угорские и «гуннские» племена (гаплогруппы R1a1, I1, G, N, F, P соответственно). В гуннскую эпоху праславянские диалекты были основным

средством межплеменного общения. В 440-е гг. в состав др.-болг. общности вошла вост.-роман. этническая группа (гаплогруппа I2). А после 453 г. достаточно быстро сформировался древне-болгарский диалект, доминировавший в ареале между Днестром и Северским Донцом. За последующие 200-250 лет именно древне-болгарский язык стал главным, престижным языком языкового союза Старой Великой Болгарии, постепенно ассимилирующим остальные языки союза.

Ко времени миграции древних болгар в Подунавье в 670-680-е гг. древне-болгарским языком уже были полностью ассимилированы многие восточно-германские, восточно-иранские, восточно-романские, угорские племенные говоры. Дольше других сохраняли свои реликтовые неиндоевропейские диалекты очень малочисленные родовые группы центрально-азиатского происхождения.

Одна из этнических групп – таинственный этнос «европейских гуннов» (наименование условное) – происходила из Центральной Азии. Эта этническая группа может быть отождествлена с гаплогруппой R*. Древнейшее место расселения этого этноса, определяемое посредством наблюдения распространения следов его семиотических (знаковых) систем, располагалось в областях Гобийского Алтая, урочище Цагангол (ныне Гоби-алтайский аймак Монголии) [Шапошников 2005: 118; 2008]. При этом знаковые следы (а именно, родовые «белеги», «тамги») юэчжи в Центральной и Средней Азии, в Причерноморье и Подунавье являются, по моему мнению, несомненным различительным этническим признаком. Ибо весьма мала вероятность того, чтобы другими народами заимствовалась система родовой и династической геральдики [Яценко 2001]. Намного легче происходит усвоение чужого языка и переход на него. Я уверен, что не только белеги юэчжи были перенесены далеко на запад Евразии, переместилась туда же и часть этноса, носителя особого языка и ономастики.

Древне-тюркские и древне-чувашские этнические группы не участвовали в этногенезе древне-болгарской общности VII в. Их культурное и языковое влияние на болгар имеет пост-этногенетический характер.